

ПАРК

Михаил Долманов

16+

Михаил Долманов

Парк

«Автор»

2019

Долманов М.

Парк / М. Долманов — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-98105-8

Парк - это мир, живущий своей жизнью, способный переплестать судьбы людей, оказавшихся на его дорожках. Для каждого, кого Парк примет в свои объятия, у него уготована своя мелодия, несущая для кого-то покой и надежду, а кому-то - движение и вечные поиски себя. Захотите ли вы прогуляться под сенью вековых деревьев этого места? Если захотите, то сумеете ли разобраться - принадлежите вы сами себе или уже живете жизнью Парка? Найти ответы на все вопросы можно, лишь прогулявшись по одной парковой дорожке...

ISBN 978-5-532-98105-8

© Долманов М., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Старик	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Михаил Долманов

Парк

Старик

Прохладный осенний вечерний ветер нежно прикоснулся к лежавшим на земле листьям, заставляя их от этого тихонько урывисто шуршать и с большой неохотой перекатываться на другое место. Шуршанье здорово походило на громкое мурлыканье какого-нибудь кота, которому посчастливилось урвать порцию ласковых поглаживаний, и так же, как и мурлыканье, звук, издаваемый ветром и листьями, вызывал некое умиление и чувство внутреннего покоя. Асфальт, порядком нагретый за этот, все еще долгий, осенний день отдавал тепло в виде поднимающегося в небо пара, который подхватывался тем же самым ветром и растворялся в воздухе, дополняя вечернюю прохладу легкими прикосновениями тепла от не так давно ушедшего лета.

Деревья мерно покачивались в такт мурлыкавших листьев. Где-то, казалось бы, далеко, за стеной деревьев, слышались звуки моторов проезжающих машин, напоминая, что зелень – всего лишь прикрытие парка, и вы по-прежнему находитесь в городе, с присущими ему суетой и скоростями. Парковые дорожки, несмотря на наступающий вечер и, по осенним меркам, теплую погоду, были практически пусты. Тишину изредка нарушали уставшие шаги случайных прохожих, которые хоть и не были частью этого мира, но прекрасно в него вписывались. Когда ветер затихал, можно было услышать, что где-то поодаль кто-то кому-то что-то рассказывает, кто-то над чем-то смеется, а кто-то ведет жаркий спор, злоупотребляя крепкими словами.

Весь этот контраст пустоты и звуков мог заставить думать, что все это и есть парк; что не люди ведут споры и дарят друг другу пронзительные слова, а сам парк открывает свою память, выпуская на волю то, что хранил в себе все время – разговоры, секреты, тайны, которые имели место, возможно, десятки лет назад. Возможно, то прошлое, которое безвозвратно ушло от людей, оставшись лишь на страницах книг, здесь, в этом уголке города, могло возвращаться в настоящее, накладываясь на него, переплетаясь с ним, и снова жить. Если бы кто-то слушал эти звуки, то у него могло сложиться ощущение, что вот сейчас из ниоткуда начнут возникать отдельные люди или целые компании, гулявшие тут задолго до настоящего момента. А затем так же неожиданно растворятся, не оставляя ни намека на свое недавнее появление, уступая место новым видениям из другого времени, подчиняясь лишь воле Парка, такого большого и старого. Но время шло по-прежнему в одном направлении, и вместо иллюзий на парковых дорожках появлялись все те же одинокие прохожие, или гуляющие компании. Те и другие проходили мимо, скрываясь за поворотами, не отвлекаясь ни на мурлыканье-шуршанье листьев, ни на порывы ветра, ни на сущность парка. Никакой мистики и загадочности, только спешка и обыденность. Просто нужно без оглядки идти по парковой дорожке в завтрашний день, чтобы завтра можно было точно так же идти в послезавтрашний. И так до бесконечности, до тех пор, пока слово «завтра» будет существовать в обиходе, и пока ноги могут делать эти злосчастные и пресловутые шаги. А парку останется лишь хранить их, ведь в жизни нет мистики, есть лишь мистификация, а еще есть парк...

Лавочки, стоявшие вдоль всей дорожки, были в этот вечер свободны от посетителей, да и во всем парке в этот вечер не было многолюдно. Лишь одна из лавок была занята стариком, который, укутавшись в грязный, серый и очень потертый плащ, сидел и смотрел вслед уходившей женщине с двумя маленькими детьми. В его взгляде читалась грусть по временам, когда он сам мог вот так держать свою маму за руку и гулять по городу, не думая ни о каких взрослых

проблемах и насущных вопросах. Ведь это золотое занятие и время для всех людей, ценное и с каждым прожитым годом все больше ценимое.

А женщина в длинном красном платье и собранными в хвост волосами золотого цвета тем временем шла, о чем-то рассказывая детям, шедшим по обе стороны от нее. Один мальчик, на вид лет пяти, гордо вышагивал, размахивая самодельным корабликом, изображая его плавание по морю в девятибалльный шторм. Второй ребенок, может быть на год младше, шел и молча слушал историю, рассказываемую женщиной, засунув в рот палец, скорее всего, от удивления или восхищения – старику этого было уже не понять, так как вся эта компания скрылась за поворотом.

Мужчина улыбнулся и покачал головой, отгоняя мысли, которые смогли заставить его открыть свой чемодан с воспоминаниями и перебрать некоторые из тех, которых он сегодня не хотел касаться. Нужные воспоминания, те, что должны были выйти на свет, находились не так глубоко, хотя и были такими же волнительными.

Погладив себя по редким и жиденьким оставшимся на голове волосам, Старик посмотрел вдаль. Дорожка проходила по склону, и находившиеся на ней лавочки были расположены таким образом, что, когда человек садился отдыхать, то оказывался лицом к лицу с городом, если можно так сказать. Деревья, которые росли ниже дорожки, были такими же редкими, как и волосы на голове Старика, а кустарник в этом месте регулярно вырубался, отчего никакая растительность не мешала любоваться видом города. И если к этому добавить тот факт, что дорожка проходила по верхней части холма, то результатом совокупности этих факторов был великолепный вид, открывающийся на город. Этот вид даровал прогуливающимся людям возможность увидеть улочки частного сектора, походившие на лабиринты с узкими и затейливыми ходами, с отличающимися друг от друга, как зима от лета, домами и двориками. Улочки не имели направлений и какого-либо сходства, они петляли, переплетались, заворачивали, то выкидывая микро перекрестки, в тех узких местах, где, казалось бы, их не должно быть, а то приводили в тупик самые широкие дороги, которые должны были быть главными в районе. Суэта в этом лабиринте могла завораживать: люди ходили, занимались делами, отдыхали, не подозревая, что кто-то может видеть их и следить за ними. Горожане жили своей жизнью, оживляя эту картину, уводя от плоскостного видения в трехмерное пространство.

За ковром частного сектора стояли, выглядевшие, благодаря контрасту, исполинами, десятиэтажные дома. Они словно выросли плотной стеной вокруг маленьких домиков, и если бы эти домики с улочками и прочими мелочами были бы морем, то эти дома служили бы дамбой, которая не дала бы им расплыться и унести бурным потоком вглубь района. А над всем этим было небо, сегодня это было голубое вечернее осеннее небо. Бездонное, холодное и теплое одновременно, оно больше принадлежало парку, нежели городу или даже самому себе. В данный момент небо было тем самым отрезанным куском пирога, из-за которого многие вещи кажутся незавершенными, но здесь этот кусок находился на своем месте, делая открывающийся вид завершенным и выделяя Парк из десятков других городских мест отдыха.

По другую сторону от лавочки находился уходящий вверх склон с такими же редкими деревьями и пожелтевшей травой, на которой лежали неубранные опавшие листья, возвещавшие всем, что уже совсем скоро осень сместит летнее тепло с паркового асфальта своими холодными и чистыми дождями. До вершины холма, на которой и находилась значительная часть парка, было совсем немного, и при желании даже человек в возрасте мог без труда подняться наверх, не доходя до удобной лестницы. Но таких желаний обычно ни у кого не возникало, травы, по которой можно было ходить, и деревьев, к которым можно было прикоснуться, хватало в избытке. Но был лишь один-единственный штрих, который отличал вершину этого склона, пожалуй, как бы громко это не звучало, от всего парка – и этим штрихом был дуб. Огромный, ветвистый и раскидистый, он рос на вершине холма, наверное, уже ни одну сотню лет, необхватным стволом уходя под самое небо и возвышаясь над всем парком, а может быть

и городом, подобно царю, стоящему над своими подданными. Видя его, а это трудно сделать, когда ты просто идешь и не хочешь ничего видеть кроме своей дороги, сразу же хотелось подойти к дереву, посмотреть на этого великана вблизи, прикоснуться к огрубевшей коре и убедиться, что он не иллюзия, а настоящий.

Старик погладил себя по волосам и посмотрел вдаль. Сидя на этой лавочке, он никогда не уставал смотреть вдаль, стараясь разглядеть что-то новое, что-то важное, что поможет ему выбрать правильное решение или сделать тот важный шаг, которого так не хватает в жизни. Сейчас мужчина уже понимал, что ему нужно сделать этот шаг вперед, чтобы идти дальше, именно для этого он и здесь, в парке, сидит на скамейке и смотрит вдаль, а в голове уже начинают роиться мысли, выдергивая из глубин памяти обрывистые воспоминания. Сколько у него было важных шагов в жизни? Не перечесать. Или наоборот. Он закрыл глаза, чтобы картинки воспоминаний были более яркими, и начал вспоминать шаг за шагом, от начала жизни и до самого вечера, когда он сидел на скамейке.

Вот Старик, а тогда еще шестилетний мальчик, учится ездить на велосипеде, вместе с папой, таким молодым и веселым. Мальчик (Старик) падает, пробует снова, опять падает, у него не получается, но вот велосипед обретает равновесие и едет, уверенно и твердо. Папа смеется и хлопает в ладоши. Такой молодой, красивый и счастливый, как и сам мальчик, теперь уже старик.

Школьный выпускной, юноша (Старик) в модном по тем временам костюме, статно ходит между своих пока еще одноклассников, перекидывается фразами, смеется. Он молод, перед ним открыты все дороги и впереди взрослая самостоятельная жизнь. На другом конце зала Папа и Мама, сидят и смотрят на своего сына. Гордые и счастливые. Эта гордость передается и ему самому.

ЗАГС, парень (Старик) держит за руку красивую девушку в подвенечном платье, с красными от волнения и смущения щеками. Очень красивую девушку, и сам он очень красив. Они молодые и счастливые. Позади них стоят родители, постаревшие, но такие же счастливые и гордые, мама плачет, отец улыбается, но видно, что и он готов пролить мужскую слезу. Рука невесты в его руке. Минута, и она одела ему на палец кольцо.

Роддом, мужчина (Старик) держит на руках укутанное одеяло, из которого видна маленькая головка, вокруг много людей, все смеются. Мужчина самый счастливый, его жена рядом, улыбается и обнимает его, родители тоже рядом, смеются вместе со всеми, поздравляют. И маленькие глазки, сонно смотрящие на мужчину. Счастье.

Телефонный звонок, ночь. Мужчина (Старик) разговаривает, жена плачет, сидя на полу, кричит. Пожар на другом конце города, родители и сын, гостивший у них, спали. Они ничего не смогли сделать, они даже ничего не поняли. Огонь поднялся из квартиры под ними. Они просто легли спать и не проснулись. У жены истерика, а он с кем-то разговаривает по телефону, плачет, а родители и сын уже мертвы и телефонный звонок не поможет. Рука предательски трясется и мужчина (Старик) уже сам сидит на полу, кто-то кричит в телефонной трубке, или это он сам кричит в трубку. Их больше нет. Он обнимает жену. Пустота, и ночь, и слезы, и еще раз пустота.

Дорога, разбитая и грязная. Осень. Старик (Старик) идет вслед за крепкими парнями, несущими на руках гроб. Он плачет, не стесняясь и не пряча эмоции, да и прятать не от кого, позади него идут еще несколько людей, таких же пожилых и помятых, как и сам старик. Еще несколько десятков метров и он останется один. Минуту спустя гроб ставят на табуретки для прощаний, и он видит свою жену в последний раз. Постаревшая, не похожая на саму себя, но такая близкая и родная, она лежит в этом проклятом ящике. Старику хочется, чтобы он лежал рядом, чтобы быть вместе с той, кто всю жизнь его поддерживала, и в горе и в радости, и в болезни и в здравии, всю жизнь. Он целует ее. Плачет. Опускается на землю и ничего не помнит.

Пустой дом, старенький и перекошенный, давно требующий ремонта, встречает своего, теперь уже единственного, хозяина тишиной, нигде не слышно ни голосов, ни скрипа половиц от шагов любимых ножек, никаких признаков жизни. Дом пуст, но он наполнен следами тех, кто жил тут. Седой старик (Старик) так и не перестал бояться возвращения домой после того как остался один, хотя прошло уже несколько лет. В доме были ее вещи, в доме прошла вся их жизнь, Старика и его жены, полная событий, больших и мимолетных. И теперь от всего этого он остался один. Он уходил утром гулять и возвращался только под вечер, борясь со страхом одиночества и с желанием не видеть места, где он был счастлив вместе с ней, где была и должна быть она. А дом скорбел вместе с хозяином, вместе с ним старел, даже быстрее его, приближая свои последние часы, которые были не за горами.

Парк. Лавочка. Старик (Старик), севший от усталости и от безысходности. Он бродил весь день, и ему предстояло снова возвращаться домой. Страшно. Он не помнил, как оказался в парке, но это и не важно. Он сидел на скамейке и ощущал, как чувство покоя, исходящее отовсюду, разливается по его венам, что уходят страхи с тревогами. Ему спокойно и хорошо, и даже начинает казаться, что он слышит голос своей жены, которая, смеясь, говорит, как рада видеть его. Старик снова плачет, но в этот раз от счастья, и он готов плакать дальше, лишь бы это чувство не проходило, лишь бы голос его любимой продолжал звучать, возвращая его в те дни, когда они рука об руку гуляли по такому же парку, а может и именно по этому. Это был его первый визит в Парк.

Быстрый стук женских каблучков оторвал Старика от мыслей и вернул в окружающий мир, заставив посмотреть в сторону, откуда слышались шаги. По дорожке шла, иногда переходя на легкий бег, молодая девушка. Она привлекла к себе внимание Старика своим видом, несмотря на осенний вечер, одета девушка была по-летнему. Легкое белое платье без рукавов в крупный черный горох и черные кожаные босоножки гармонировали с ее подстриженными под каре черными волосами, которые покачивались в такт шагов девушки. Она была молода и красива, и хоть Старик не понравился, что она позволяет себе так легко одеваться осенним вечером (это, наверное, общая стариковская черта), он все равно улыбнулся, глядя на нее. Девушка, не сбавляя темпа своих шагов, окинула старика мимолетным взглядом и удалилась прочь, оставляя за собой лишь звук каблучков, который совсем недавно возвестил о ее появлении.

Проводя ее взглядом, точно так же как и недавних прохожих ранее, Старик открыл старый портфель, который всегда был его спутником во время прогулок, и был потрепан не меньше своего обладателя, извлек из него бутылку кефира и две небольших булочки. Наверняка данный ритуал проделывался им здесь ежедневно. Отломив от одной булочки кусок, он крошил его у себя в руке, и принялся бросать эти крошки перед собой на асфальт. Не успели и первые из крошек упасть на землю, как несколько голубей уже приземлились недалеко от скамейки и осторожными шажками двинулись навстречу падающим крошкам.

– Кушайте, мои хорошие, – Старик улыбался и продолжал крошить булочку. – Уже заждались меня? Я сегодня задержался, нужно было зайти еще в несколько мест.

Голуби, число которых успело удвоиться, осмелев, уже не ходили, а бегали перед самым Стариком и громко ворковали, попутно склевывая попадающиеся на их пути крошки.

– Ну, не ругайте меня, милые, – с улыбкой продолжал мужчина. – Я к Оле на могилку зашел, Кирюшку и Маму с Папой проведаль, сегодня у меня начнется новая жизнь, они должны об этом знать! Пусть за меня порадуются, – он продолжал говорить, услышав, что голубиное воркованье притихло.

Выкинув все крошки, что были в руке, Старик открыл кефир и принялся за еду сам, хотя делал он это нехотя, больше не потому что хотелось, а потому что он делал это всегда, когда сидел на этой скамейке. После нескольких глотков любимого напитка, он все-таки отставил в сторону бутылку и принялся бросать новые крошки на асфальт, чем вызвал новую волну оживления у голубей.

– Кушайте, родные, кушайте! Сколько мы уже с вами знакомы? Уже целое лето, попривыкли друг к другу. – Старик улыбался и спокойно бросал крошки, стараясь их сделать как можно меньше, чтобы хватило на всех. – Уж не знаю, как там дальше сложится, но я постараюсь вас навещать, да и вы меня не забывайте, вдруг сможете найти путь-дорожку ко мне, кто знает, может еще смогу я вас булочкой покормить, – говорил он очень по-доброму, пропитывая искренностью каждое свое слово.

Голуби вновь оживленно «заговорили» меж собой, отчего Старик улыбнулся, видя в этом лишь подтверждение своих слов, и бросил птицам остатки булочки.

Немного помедлив и отхлебнув еще несколько глотков кефира, он повернулся назад и посмотрел вверх, туда, где рос исполинский старик-дуб.

– Сейчас мы и с тобой поговорим, пообщаемся, – мужчина, кряхтя, поднялся со скамейки и повернулся в сторону дуба. – Давно я хотел с тобой поговорить, наверняка и тебе этого тоже хочется, а то каждый день смотрим друг на друга только, пора бы уже и познакомиться!

Старик вновь открыл свой портфель и извлек из него небольшой пакет, содержимое которого он не спешил доставать, и медленными шагами побрел вверх по склону к дереву. Каждый шаг давался особенно тяжело, вся легкость, которая была в теле еще несколько минут назад, улетучилась вместе с ветром, оставляя Старика лишь старость и непослушное тело. Остановившись на мгновение, он сделал глубокий вдох, прогоняя волнение, на которое мужчина списывал эту слабость, и так же медленно продолжил свое восхождение вверх.

Мысли вновь пролетели по ярким запомнившимся событиям жизни Старика, он снова видел своих родителей, жену, ребенка, себя, друзей, все люди изменялись, старели, приходили и уходили, не оставляя после себя и следа в жизни Старика, сменяя друг друга в бесконечной цепочке точно таких же образов. Мысли прыгали с одного на другое, стараясь ухватить как можно больше, но не вырисовывая целостность картинки, словно панически мечась в воспоминаниях, желая что-то предотвратить или остановить, с каждым тяжелым старческим шагом картинки воспоминаний выскакивали перед глазами все ярче и острее, делая ноги идущего мягкими, отказывающимися слушаться своего хозяина.

И в этот момент в воспоминания Старика вошел Парк. И все вокруг стихло, воспоминания и мысли в голове, и ветер с шуршащими листьями вокруг. Все стихло, рождая тишину и пустоту, но, в отличие от той пустоты, которая ждала Старика дома, эта была наполнена величием, чем-то важным и значимым. Возможно, этой тишиной Дуб (или сам Парк) приветствовал своего гостя, решившего познакомиться поближе.

Старик, преодолев уже половину пути, захотел остановиться и перевести дух. Путь, который он прошел, казался намного длиннее того, что виделся в момент, когда Старик отошел от лавочки, а ведь впереди еще столько же. Он оглянулся, посмотрев на скамейку и на голубей, продолжавших крутиться на том же месте, выискивая уже последние крошки. Старика стало спокойнее. Ведь все это – голуби, скамейка, чудесный вид города и Парк – помогли ему понять, кто он есть, помогли осознать то, кем он стал и во что превратился, а, самое главное, что ему нужно делать дальше. Все случившееся уже не исправить, но можно сделать так, чтобы у истории был хороший конец, от этого возможно и все обернувшееся покажется лишь кошмарным сном, который забудется сразу после пробуждения.

Кем же он стал? Старик посмотрел на себя, с грустью и стыдом. Кем же он стал?

Грязный, потертый плащ, с разорванной и кое-как сшитой подмышкой. Пятна грязи въелись настолько, что уже не очищались и не отстирывались, пуская узоры своей нескончаемой паутиной, и с каждым годом разрастаясь все сильнее, все больше делая плащ схожим с ветошью. Под плащом был костюм: пиджак, выгоревший на солнце, в нескольких местах заштопанный, с засаленными локтями и дико пропахший стариковским потом; брюки, такие же засаленные, протертые до дыр в самых неприличных местах, ничем не отличались от плаща с пиджаком, да и ото всей одежды, которая была у Старика. Грязь, запах пота и старости, и

увядание могли смело послужить описанием ко всему гардеробу посетителя парка. Кем же он стал? Он стал нищим.

Нищий! Нищий! Нищий!

Слова бесконечно бились в голове, будто бы капли из протекающего крана по раковине. Старик уже не отрицал действительности, не делал вид, что этого нет. Это есть, и оно случилось именно с ним. Когда-то, когда он был молод, имел работу, хороший дом, он никогда бы не подумал, что скатится до такого, до самого дна. Раньше он, молодой мужчина, мог позволить покупать себе хорошую новую одежду, иметь чистую постель и плотный завтрак, обед и ужин. Он мог гулять по городу с гордо поднятой головой, не стесняясь смотреть на людей, даже улыбаться проходящим навстречу девушкам и ловить их ответные улыбки. Он мог это делать. В те времена, видя такого вот человека, в которого он сейчас превратился, Старик мог лишь покачать головой и, посмеиваясь, думать: «Как можно ходить в таких обносках?». Ведь всем же понятно, что на все можно заработать, все можно купить, особенно когда ты молод и в тебе много сил, и ведь такое чувство складывается, что так будет всегда.

И с годами это чувство только упрочняется, появляется ощущение собственного превосходства, от того, что ты хозяин своей жизни, что ты сумел ее пустить в правильное русло, не в то, которое для всех, а то, которое ты выкопал сам, для себя. Русло успеха и благополучия, которого нет ни у кого, кроме тебя. Но проходит время, заканчивается работа, дымом от костра улетучиваются прибыли, значимость и достаток, оставляя после себя лишь пепел и золу, как бы банально это не звучало. Со временем начинаешь понимать, что со своей пенсии ты не можешь позволить себе новые брюки, потому что, купив их, ты оставишь себя голодным. Но новые брюки – это ведь излишки, можно аккуратно носить и старые, а при должном уходе они не теряют своего лоску. Отговорка или самоутешение? Может быть. Но со временем ты замечаешь, что, несмотря на весь уход, вещь снашивается, пачкается, рвется. И даже после хорошей стирки все равно выглядит как половая тряпка, и то далеко не новая.

Все труднее становится стирать и чиститься, все труднее и труднее делать такие вещи, которые раньше даже внимания не могли привлечь, но теперь все по-другому. Что-то стало даже невозможным, но и от этого можно было отгородиться выдуманными предложениями и нежеланием признать всю утопию ситуации. Так вместе с одеждой изнашивается дом, проявляются вкрапления запустения во дворе, и сама жизнь уже не твердая и стабильная, а прогнившая и трещащая по швам. И как быстро проявились перемены? Казалось, стоило лишь щелкнуть выключателем, словно выключая свет в комнате. Чик-чик, и ты нищий, утвердительно кивай головой и наслаждайся реалиями действительности.

Первое время Старик стеснялся своего вида (первые пятна и дырки на плаще или пиджаке), стыдливо прикрывая их, в моменты, когда на него смотрели прохожие. Но время неумолимо шло, в качестве своих следов оставляя на плаще новые дыры и пятна, которые уже нельзя было закрыть и спрятать. Теперь Старику приходилось стыдливо краснеть и опускать глаза, когда кто-нибудь смотрел на него. Теперь каждый взгляд был как удар плетью, мужчина видел в каждом из них презрение и превосходство над ним, лишь потому что на нем была эта одежда. Но со временем пришло окончательное и безвозвратное принятие нового себя. Стыда уже не было, чужие взгляды уже не привлекали внимания и не причиняли столько боли, время заставило некогда успешного мужчину поверить в свою ничтожность. Он по-прежнему продолжал стираться, чиститься и пытаться следить за собой, но больше потому, что это вошло в привычку, так как результатов этот процесс никаких не приносил.

– Вот я и подошел к тебе! – одной рукой Старик гладил кору дуба, а другой стирал навернувшиеся на глазах слезы. – Вот такая вот у меня жизнь, денег хватает лишь на то, чтобы оплатить коммуналку, поклевать чутка макарон в обед и выпить бутылочку кефира с булочкой вечером на скамейке, – сам неожиданно для себя он жаловался дубу. – Ничего и никого не

осталось, но я верю, что все изменится к лучшему, верю, что все еще вернется на свои места. – Мужчина быстро закивал головой, подтверждая самому себе свои слова.

Старик вытащил из пакета то, его содержимое, и, немного помедлив, закрепил предмет на дереве. Все выглядело естественно, так, как и должно было быть. У этого дерева молодежью часто устраивались фотосессии, и чего только на дуб в их процессе не вешалось, но ничто не украшало дерево так, как то, что повесил мужчина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.